

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ СТЕПНОГО ПРИУРАЛЬЯ*

А. А. Бисембаев

Излагаются результаты полевых исследований памятников эпохи Великого переселения народов степного Приуралья (Западного Казахстана). Обрисовываются природно-географические условия региона как важнейший фактор размещения памятников конкретных эпох. Обрисованы исследованные в 2007 г. объекты могильника Жайлаусай (Сарытау II), а также погребения из песчаного карьера «Северный объезд». В данном разрушенном погребении у г. Актобе были обнаружены золотые вещи, выполненные в гуннском полихромном стиле. Получена представительная коллекция артефактов: предметы вооружения, украшения, конское снаряжение и бытовые предметы. В целом исследованные комплексы укладываются в период второй половины II в. н. э. – IV в. н. э. В объекте 15 (склепообразном святилище) могильника Акбулак II исследовано погребение воина с железным мечом без перекрестья, бронзовым уздечным набором и фибулой. В объекте 27 (гантелевидный курган) могильника Акбулак III выявлено погребение в яме с подбоем. Оно содержало останки погребенного с большим количеством украшений. Там же находился бронзовый сосуд с носиком, поддоном и зооморфной ручкой. В конце статьи подводятся итоги, характеризующие эпоху.

Ключевые слова: *Великое переселение народов, гунны, Акбулак, Сарытау, Западный Казахстан, степное Приуралье, гуннский полихромный стиль.*

Активизация археологических исследований в Актюбинской области с середины 1980-х гг. была связана с подвижнической деятельностью основателя новой археологической группы С. Ю. Гуцалова. Масштабные исследования в северной части области привели к обнаружению памятников первых веков нашей эры в бассейне среднего течения р. Илек. Данные памятники позволяют говорить о присутствии в степном Приуралье (левобережье р. Урал, Приаральско-Мугоджарский регион) значительного количества объектов эпохи Великого переселения народов.

Актюбинская область – самая крупная административная единица Западного Казахстана. Она расположена в двух частях света: по ее территории проходит географическое деление Евразии на европейскую и азиатскую части. Граница, вначале идущая по Уральским горам, в Казахстане проходит по их продолжению – Мугоджарам, далее – по долине р. Эмба и геологическим разломам в северной части акватории Каспийского моря. Причем природно-географические различия между западной и восточной частями региона весьма очевидны. Так, к востоку от Эмбы ландшафты резко приобретают азиатские черты, главным образом из-за смены состава биот и биомов. Различия в почвенном и растительном покрове западной и восточной частей также видны невооруженным глазом.

Западный Казахстан, северную часть которого и занимает степное Приуралье, имеет широтную протяженность порядка 1200 км, а по меридиану – около 900 км. На данной обширной территории прослеживаются последовательно сменяющие друг друга ландшафтные зоны: лесостепная, степная, полупустынная. Зона классической пустыни в виде песков Больших и Малых Барсуков находится в Северном Приаралье. Северную часть рассматриваемого региона занимает лесостепь – небольшая по площади, без четко выраженной южной границы, вдающаяся в степь отдельными островками. Реликтовое урочище Уркач (Оркаш) с сосредоточением лесных колков уходит глубоко в степь, в район соприкосновения рек Илек, Эмба и Орь (Чибилев, 1987. С. 86–103). Таким же реликтом с богатой растительностью в Западно-Казахстанской области, на границе с Актюбинской, являются пески Аккумы, вокруг которых сосредоточен хрестоматийный массив памятников Лебедевка, в разное время исследовавшийся Г. И. Багриковым, Г. А. Кушаевым, М. Г. Мошковой, Б. Ф. Железчиковым (Мошкова, 1989. С. 191–202. Табл. 73, 74, 78).

Полупустынные и пустынные зоны охватывают большую часть Западного Казахстана. На севере, гранича с зоной типчаковых и ковыльных степей, они почти вплотную подходят к отрогам Общего Сырта, а на юге примыкают к обширным массивам Рын-песков и не менее

* Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы BR05236565 по теме «Культура населения Казахстана от каменного века до этнографической современности по археологическим источникам».

обширным белополынным и чернополынным пустыням на бурых почвах. Южная граница пустынных степей может быть проведена от железнодорожной станции Сайхин к пескам Джаскус-Кум (севернее Урды) и отсюда извилистой линией вдоль окраины песков Нарын до районов Камыш-Самарских озер и далее на Саралжин и зимовку Бис-Кудук. В Зауралье эта граница спускается к югу до Базар-Тобе, от которого направляется к оз. Итмурун-Куль и низовьям Джаксыбая, до среднего течения р. Эмбы, в Западное Примугоджарье, междуречье Ирғиза и Тургая (Атлас Казахской ССР, 1982. С. 78–79). Нам ранее приходилось анализировать влияние природно-географических аспектов на характер и расположение памятников кочевого населения в раннем железном веке и Средневековье (Бисембаев, Ахатов, 2015. С. 31–35; Ахатов, Бисембаев, 2015. С. 503–513).

Первые памятники начала эпохи Великого переселения народов, содержащие погребения с северной ориентировкой, деформацией черепов погребенных, с китайским и римским «импортом», исследованные в Мартукском районе Актюбинской области С. Ю. Гуцаловым, описаны в обобщающей монографии С. Г. Боталова (2009. С. 194–205). В 1992 г. автор под руководством С. Ю. Гуцалова проводил раскопки прямоугольного сооружения-святилища Сарытау I в бассейне р. Табантал в 30 км юго-восточнее Актобе. Было выяснено, что стены сооружения возводились из крупных блоков, вылепленных из белой глины без значительных примесей травы и других армирующих элементов. На момент раскопок руинизированные входные элементы конструкции представляли собой «курганообразные» всхолмления. При входе были найдены колокольчики – два бронзовых с железными язычками и один железный (Гуцалов, Бисембаев, 1994. С. 23–45).

Памятники первых веков нашей эры впервые охарактеризовал Б. Н. Граков в своей классической работе «*Γυναικοκρατούμενοι* (Пережитки матриархата у сарматов)» (Граков, 1947. С. 100–121), выделив объекты начала нашей эры в IV ступень – аланскую или шиповскую культуру. Начиная с середины II в. и до IV в. н. э. на территории Западного Казахстана распространились памятники, коренным образом отличающиеся от объектов предыдущих веков и в то же время сохраняющие определенную преемственность. Позднее внутреннее содержание культуры было обрисовано К. Ф. Смирновым (1950), работавшей в Западном Казахстане М. Г. Мошковой (1982) и исследователем Среднего и Нижнего Поволжья А. С. Скрипкиным (1984).

В полевом сезоне 2007 г. совместной экспедицией Центра истории, этнографии и археологии Актюбинской области и Актюбинского государственного университета им. К. Жубанова проводились раскопки могильника Жайлаусай (Сарытау II), расположенного на вершине водораздельного плато правого берега одноименной реки, впадающей в правобережный приток среднего течения Илека – Табантал, недалеко от сооружения Сарытау I. Могильник вытянут по линии СВ–ЮЗ вдоль обрывистого южного края плато. Состоял из восьми объектов – пяти курганов и трех поминально-культовых сооружений, два из которых представляют собой земляной вал подквадратной формы с разрывом-«входом» с южной стороны. Третий сложный объект выделяется в средней части могильника, на плане это специфическое сооружение, вытянутое с запада на восток на 78 м, имеющее с южной стороны прямоугольную пристройку. Раскопкам были подвергнуты три объекта: курганы 3, 6 и сооружение 2.

Прямоугольное сооружение 2 с разрывом-«входом» с южной стороны представляло собой классический вариант погребально-поминальных сооружений начала нашей эры, весьма широко распространенных в Западном Казахстане наряду с гантелевидными сооружениями типа сооружения 3 данного могильника. Именно прояснению ситуации с памятниками гуннского времени была связана целесообразность экспедиции, исходя из того, что в 1992 г. были получены артефакты II–IV вв. Исследование южной части объекта на месте «входа» выявило могильную яму, вытянутую по линии С–Ю и ограбленную в древности. В состав инвентаря входили бронзовые колокольчики, массивная серьга, выполненная в полихромном стиле, угловые нашивки из золотой фольги, курильницы, гребень, а также искусственно деформированный череп человека. Материалы по результатам исследования данного комплекса были опубликованы авторами раскопок (Бисембаев, Дуйсенгали, 2008. С. 99–101; Бисембаев, Дуйсенгали, 2009. С. 28–34).

Возобновление исследований в степной полосе правобережья р. Урал, направленное на выявление основного ареала распространения памятников II–IV вв. н. э., выяснение их характерных особенностей, географической локализации, пространственных и архитектурных признаков, совпало с обнаружением в июне 2018 г. севернее г. Актобе разрушенного погребения с большим количеством золотых предметов, на исследование которого был экстренно вызван автор статьи.

Погребение располагалось на северной окраине города, в песчаном карьере в 2,5 км к юго-востоку от моста через р. Илек, на северном участке объездной автотрассы. При обследовании местности было выяснено, что погребение находилось в стенке карьера на высоте

3,2 м от его дна и на глубине 3,5 м от дневной поверхности. При добыче песка ковшом погрузчика кости и вещи были «вынуты» практически полностью и находились в куче песка на дне карьера. От ямы фактически сохранились только западная стенка и юго-западный угол. После обнаружения костей работы были остановлены. Опрос водителя погрузчика показал, что череп вывалился с северной стороны погребения, а кости ног — с южной, из чего можно заключить, что ориентировка погребенного была северной. Каких-либо надмогильных конструкций не наблюдалось. Далее с помощью сита было проведено просеивание грунта и сбор находок. Произведена также зачистка стенки карьера, где выявлены остатки могильной ямы. Ситуация осложнялась ввиду песчаного грунта, который постоянно осыпался. Несмотря на это *in situ* в южной части ямы был выявлен череп лошади, а в северной — небольшая часть седла (?), не разрушенная техникой. Собранные находки типологически можно разделить на несколько категорий (рис. 1):

- мелкие полушарные бляшки с пуансонным орнаментом по краю (рис. 1, 3);
- крупные полушарные бляшки. В центре имеют выпуклость, которая по краю также окружена выпуклостями, что создает цветочный орнамент (рис. 1, 1);
- халцедоновое навершие меча (рис. 1, 2);
- накладка на навершие меча, обтянутая золотой фольгой, украшенная перегородчатой эмалью (рис. 1, 2);
- серебряная рамочная поясная пряжка с двумя скобками для крепления к ремню (рис. 1, 22);
- бронзовая рамочная поясная пряжка (рис. 1, 21);
- бронзовая круглая рамочная пряжка (2 экз.; рис. 1, 25);
- фрагменты золотой фольги. Общее количество фрагментов — более 100; вероятно, они были частью обкладки какого-то крупного предмета (седла?). Украшены мелким пуансонным орнаментом в виде треугольников;
- П-образные бронзовые накладки с золотой фольгой и вставками из драгоценных камней (2 экз.; рис. 1, 4, 5);
- прямоугольные пластины со вставками из драгоценных камней (2 экз.; рис. 1, 6);
- лавролистные золотые накладки с орнаментом в виде уголков (2 экз.; рис. 1, 15);
- золотые накладки в виде геральдического щита с орнаментом в виде кругов внутри (2 экз.; рис. 1, 7, 23).

Если говорить о близких аналогах предметов и о хроно-культурной позиции погребения, то из обрядовых черт бесспорной является северная ориентировка погребенного и присутствие рядом черепа лошади и костей ног. От меча остались крупные обломки, собирающиеся в экземпляр с прямым перекрестием и притупленным острием и отчетливо прослеживающимся ребром жесткости, оконтуренным небольшими ложбинами («долами») (рис. 1, 26). Выявлены сильно корродированные железные черешковые наконечники стрел. Присутствуют крупные куски обработанной древесины вытянутых пропорций — вероятно, обломки лука. Обнаружены многочисленные скопления нитей от разнообразных тканей, по фактуре — от грубых до тонких, с вкраплениями блестящего материала.

П-образные накладки, обтянутые золотой фольгой, со вставками из драгоценных камней имеют практически полные аналоги в могиле VIII у с. Новогригорьевка (Засецкая, 1994. С. 201. Табл. 5, 13, 1). Халцедоновое навершие с круглой накладкой, покрытой золотой фольгой с цветной перегородчатой эмалью, имеет аналог в могиле IX у с. Новогригорьевка (Засецкая, 1994. С. 199. Табл. 3, 8; Засецкая, 1975. Табл. VIII). В последнем случае навершие выполнено из янтаря. Мелкий пуансонный орнамент в виде треугольников широко встречается на различных золотых предметах гуннского времени (Засецкая, 1975. Табл. I, II, V, VII, VIII). Данные вещи изготовлены в гуннском полихромном стиле (Засецкая 1994. С. 68–75). С учетом значительного количества предметов в песчаном карьере «Северный объезд» вблизи Актобе удалось получить остатки элитного захоронения гуннского времени, которое предварительно может быть датировано III–IV вв. н. э.

Плановые исследования, продолженные в июле — августе 2018 г., проводились южнее, именно в зоне сухих степей, на границе с полупустыней, что наиболее отчетливо прослеживается в бассейне Уила. Данные полевые исследования являются логическим продолжением проекта «Пространственный анализ и архитектоника памятников гунно-сарматского периода Актыбинской области (II–IV вв. н. э.)». Первым этапом была дешифровка космических снимков в программе SASPlanet. Преимуществами данной программы являются ее общедоступность, набор карт различного масштаба, а главное — спутниковых снимков высокого разрешения.

В рамках камерального этапа было проведено детальное изучение космических снимков Уилского и Хобдинского районов с предварительным разделением их на условные участки-полигоны. После анализа космических снимков было проведено натурное обследование

Рис. 1. Предметы из разрушенного погребения в песчаном карьере «Северный объезд»: 1 – крупные золотые бляшки с орнаментом по краю; 2 – халцедоновое навершие меча с золотой накладкой, украшенной перегородчатой эмалью; 3 – мелкие золотые бляшки с пуансонным орнаментом по краю; 4, 5 – П-образные бронзовые накладки с золотой фольгой и вставками из драгоценных камней; 6 – золотые прямоугольные пластины со вставками из драгоценных камней; 7, 23 – золотые накладки в виде геральдического щита с орнаментом в виде кругов внутри; 8, 9, 10, 20, 24 – мелкие прямоугольные золотые пластины; 11, 12 – наконечники ремней с бронзовой основой и золотой фольгой; 13 – бронзовый предмет с деревянной вставкой и двумя бронзовыми штифтами; 14, 18 – прямоугольные золотые пластины из тонкого листа с двумя отверстиями в торцах; 15 – лавролистные золотые накладки с орнаментом в виде уголков; 17 – прямоугольная золотая пластина с тисненным орнаментом по краю; 16, 19 – крупные прямоугольные пластины из золотой фольги; 21 – бронзовая рамочная поясная пряжка; 22 – серебряная рамочная поясная пряжка с двумя скобками для крепления к ремню; 25 – бронзовые круглые рамочные пряжки; 26 – железный меч с перекрестием

выявленных объектов: осмотр территории памятника, сбор подъемного материала, определение GPS-координат объектов, описание памятника и тахеометрическая съемка. Сопоставление результатов анализа космоснимков и натурального обследования показало, что некоторые детали объектов фиксируются только на космоснимках. Так, кольцевой ров, особенно мелкий, может практически не фиксироваться визуально, между тем на снимках из космоса рвы четко выделяются на фоне окружающего рельефа своим более темным оттенком. Так же валы и рвы вокруг подквадратных склеповых объектов (святилищ) могут выступать над окружающей местностью на 10 см и слабо читаться в рельефе. Однако на космических снимках они распознаются за счет разницы цветов.

По итогам полевых работ результаты анализа космических снимков получили практически 100 %-ное подтверждение. Была проведена детальная тахеометрическая съемка на 10 погребально-поминальных полях (могильниках) и отдельных объектах. Общее число выявленных объектов разных форм (курганов, гантелевидных курганов, склепообразных святилищ) превысило 250 единиц (Дуйсенгали, Мамедов, Баиров, 2018. С. 237–241).

Для раскопок были выбраны объекты трех основных встречающихся форм – два кургана, гантелевидное сооружение (то есть две насыпи, соединенные перемычкой) и прямоугольное склепообразное сооружение-святилище, находящиеся в соседствующих могильниках Акбулак II и Акбулак III.

В святилище (объект 15) было исследовано мужское захоронение с северной ориентировкой, сопровождавшееся мечом без перекрестия, с халцедоновым навершием и остатками деревянных ножен, окрашенных в красно-оранжевый цвет (рис. 2, 1). Слева от погребенного находились обрывки ремней уздечного набора. Он включал в себя два бронзовых кольца диаметром 4,5 см с бронзовыми зажимами для крепления ремней, две бронзовые лавролистные пластинки-накладки размером 6,5×1,8 см, обломки железных коррозированных предметов. Рядом находилось скопление полушаровидных бляшек диаметром 1,7 см. Некоторые бляшки были прикреплены к кожаной ленте шириной 1,3 см. Прикрепление осуществлялось посредством бронзовых скобочек, припаянных к внутренней поверхности бляшек. Контекст находок заставляет предположить, что бляшки служили украшением узды. У ладони правой руки погребенного находилась бронзовая лучковая фибула с пластинчатым приемником без орнамента (рис. 2, 2).

В гантелевидном сооружении 27 могильника Акбулак III выявлено подбойное захоронение в восточном окончании. Поза погребенной – вытянуто на спине, руки вдоль тела, голова обращена на север. Череп повернут лицевой частью на запад, несет следы искусственной деформации (рис. 2, 3). За головой находился бронзовый сосуд с носиком-сливом, зооморфной ручкой, кольцевым поддоном и следами ремонта (рис. 2, 4). Ручка в сечении округлая диаметром 8 мм. Выполнена в виде фигурки животного. Ноги животного служат основанием ручки, исполнены схематично, отдельные детали не выделены. Животное имеет короткий хвост, круглые выпуклые глаза, вытянутую морду и небольшой выступ на голове (вероятно, рога). Таким образом, ручка изображает, скорее всего, барана или другое животное из семейства парнокопытных. Высота сосуда 15,0 см, диаметр устья 11,5 см, диаметр дна 8,0 см, высота зооморфной ручки 10,0 см. В районе черепа погребенной находились две бронзовые калачиковидные серьги, полые внутри, со стеклянными вставками. В районе стоп – фрагменты разбитого плоского круглого зеркала. Рядом – альчик и керамическое пряслице грибовидной формы. В районе кисти правой руки – скопление каменных бусин. У правой плечевой кости лежала бронзовая игла (1,5×110 мм). В районе локтевого сустава правой руки – три маленьких бронзовых колокольчика и скопление каменных бусин. Там же – две сердоликовые 14-гранные бусины с продетыми в них бронзовыми проволочками. В районе правого коленного сустава – пряслице конической формы.

Два отдельных кургана содержали невыразительные захоронения (одно ограблено) с северной ориентировкой, сопровождавшиеся обломками железных предметов (вероятно, ножей).

В целом инвентарный набор предметов, а также черты погребального обряда пусть невысоких и незначительных по размерам объектов соответствуют гунно-сарматскому времени Западного Казахстана. Датируются комплексы по калачиковидным серьгам со вставками (IV–V вв.) и 14-гранным бусам с продетыми в них спиральными проволочками (III–V вв.) (Боталов, 2009. С. 204). Лучковая фибула, вообще как символ этой эпохи, со слегка прогнутой узкой спинкой, сплошным пластинчатым приемником, вместе с удилами с бронзовыми зажимами на кольцах позволяют рассматривать вторую половину II – III в. н. э. (ранний этап, по С. Г. Боталову; Боталов, Гуцалов, 2000. С. 199).

Общие характерные черты памятников степного Приуралья (Западного Казахстана) первых веков нашей эры таковы: большие многометровые по высоте курганы, характерные для середины I тыс. до н. э., уходят в прошлое. Размеры памятников гуннского времени гораздо скромнее: высота до 1,5–2 м, диаметр до 25–30 м. Археологические объекты представлены

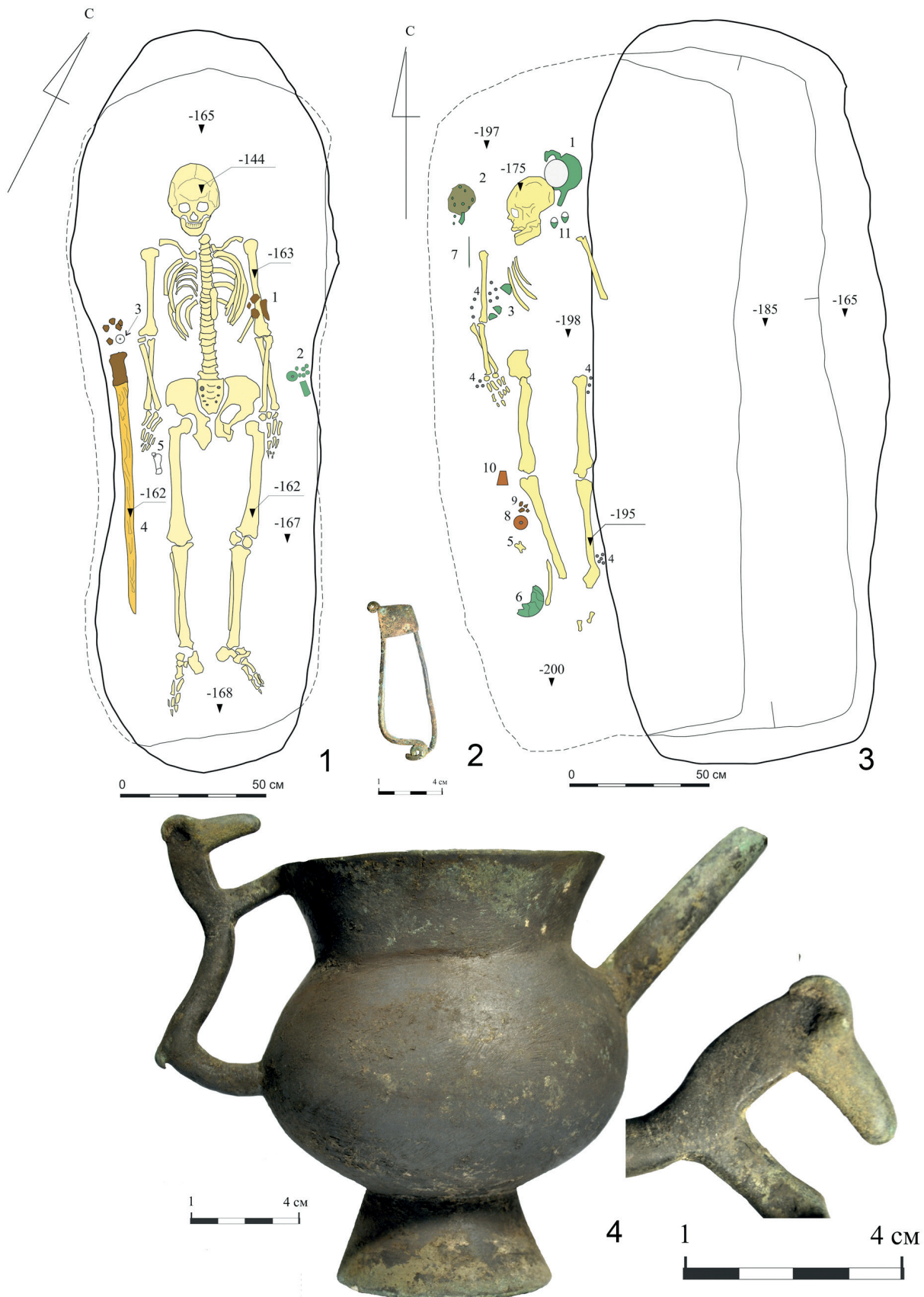

Рис. 2. Планы погребений и предметы из могильников Акбулак II и III: 1 – план погребения из сооружения-святилища 15 (Акбулак II); 2 – фибула из погребения сооружения-святилища 15 (Акбулак II); 3 – план погребения из гантелеобразного объекта (Акбулак III); 4 – бронзовый сосуд из погребения гантелеобразного объекта (Акбулак III)

в первую очередь подкурганскими захоронениями. Однако по внешнему виду памятники сильно отличаются от курганов предыдущих периодов. Получают распространение длинные насыпи, редкие в раннесарматское время, широко распространены гантелеобразные сооружения (две насыпи, соединенные перемычкой), прямоугольные и подквадратные святилища с разрывом-«входом» с южной стороны. Зачастую вход обозначен небольшими курганообразными насыпями с двух сторон. Кроме того, пусть и не в большом количестве, но вполне ощутимо распространяются оригинальные сооружения – цепочки из нескольких (до четырех) курганов, соединенных перемычками, разные по размеру прямоугольные сооружения, пристроенные друг к другу, и различные их комбинации. Могильные ямы содержат в подавляющем большинстве индивидуальные захоронения, суммарное количество парных или коллективных захоронений во всех известных памятниках – единицы. Могильные ямы узкие, прямоугольные, иногда со скругленными углами или заплечиками, с подбоями в западной стенке, ориентированы по линии С–Ю. В ряде случаев фиксируются катакомбы.

Погребенные уложены на подстилки из травы, камыша, коры. Иногда сверху прикрыты войлочной накидкой. В ряде случаев наблюдается наличие гробов или дощатых конструкций. Это сочетание присуще в первую очередь подбойным и узким могилам. Важнейшим отличием рассматриваемого периода является ориентировка погребенных как основополагающая черта идеологии в погребальном обряде в принципе. Теперь это север. Такая резкая смена направления укладки покойных говорит о значительном притоке нового населения, принесшего и навязавшего новую идеологию местным группам. Поза погребенных – вытянута на спине, руки вдоль тела, ноги вытянуты, лицевая часть черепа зачастую обращена к западу. Еще одна особенность памятников II–IV вв. бросается в глаза – широкое распространение искусственной деформации черепа в затылочно-теменной части.

Объем заупокойной пищи, судя по костям животных, сильно сократился по сравнению с предыдущими периодами. Нередко кости животных отсутствуют в могилах совсем, но как следы тризны вместе с обломками керамики встречаются в насыпях. В составе сопровождающего инвентаря попадаются кремневые отщепы или куски серы.

Главной категорией инвентаря, которая, кстати, иногда не встречается в мужских захоронениях, является керамика, которая делится на местную и импортную. Импорт – гончарная керамика – идет в первую очередь из Хорезма. В Лебедевском могильнике выявлена гончарная керамика северокавказского (кубанского) или донского происхождения. В местной лепной керамике наблюдаются общие тенденции деградации и огрубения как в технологии (рыхлое, плохо промешанное тесто с большим количеством инородных примесей), так и в форме (значительная асимметричность, кривые дно и венчики). Украшена керамика незамысловато: зашпы или насечки по горлу, налепы или зашпы на плечиках. Общий вид керамики – кувшинообразные сосуды с яйцевидным туловом, ярко выраженными плечиками, вертикальным или слегка отогнутым горлом. Появляются прототипы котлов из керамики, данная форма присуща именно рассматриваемому периоду.

Главным предметом вооружения остается длинный всаднический меч длиной около 1 м. Он двулезвийный, иногда с ложбинкой (долом) в середине по обеим сторонам для усиления поперечной несгибаемости. На конце приостренный, реже скругленный или притупленный. Мечи чаще не имеют перекрестия и навершия. Рукоять выполнена в виде штыря, расширяющегося к основанию клинка, выкована вместе с ним из одного куска железа. Дополнительно с двух сторон крепилась деревянные, роговые или костяные накладки, от которых остались железные или бронзовые штифты. Одним из элементов, подчеркивающих элитарность погребения, являются дисковидные навершия из халцедона или нефрита. Это реминисценция китайской «военной моды», получившая уже собственное кочевническое распространение. Диаметр таких каменных дисков около 5–7 см, в разрезе они биконические, напоминают пряслица, с небольшим отверстием в центре, через которое они прибивались к торцу рукояти бронзовым гвоздем-штырем. Из нефрита или халцедона (сакральные минералы того времени) изготавливались скобы для ножен, в отверстия которых продевались ремешки для подвешивания меча к поясу.

Данный период (II–IV вв.) – время распространения знаменитого тяжелого лука «гуннского» типа, который станет главным дальнобойным оружием вплоть до позднего Средневековья и Нового времени, длительное время сосуществуя с первым огнестрельным оружием. Этот тип вооружения склеивался из разных пород дерева и был усилен костяными накладками – по две концевые с выемками под тетиву на каждом конце лука, овальные вытянутые по плечам, фигурные центральные. Наконечники стрел для такого лука – железные, черешковые, трехлопастные, с треугольной боевой головкой. Начинают появляться крупные ромбические наконечники стрел. Количество их в погребениях значительно уменьшается: в редких случаях чуть более десятка, обычно три-пять. Копья, и ранее не самый распространенный элемент вооружения, продолжают оставаться редкой находкой. Увеличивается количество мужских захоронений без

предметов вооружения. Небольшие железные ножи, сопровождающие покойных, относятся скорее к предметам труда. Данная ситуация говорит о профессионализации воинского сословия в конкретный период, которая, вероятно, была подчеркнута этнически.

По сравнению с предыдущим периодом увеличивается количество погребений, содержащих предметы конского снаряжения. В могилах находятся металлические детали уздечек: бронзовые кольца с закрепленными подвижно серебряными и бронзовыми с серебрением пластинами, пряжки, обоймы, обрывки кожаных ремней. Часто встречаются небольшие плети-нагайки. Сохраняются куски деревянных ручек с надетыми на них овальными, круглыми или многогранными массивными шайбами из бронзы или серебра или набором обойм. Из курганов Лебедевского могильника, исследованных Г. И. Багриковым, происходят редкие предметы западноевропейского происхождения: железные проушные топоры, серп, железные черпаки, тренога для костра из перевитых железных прутьев, патера, или кратер для вина (Багриков, Сенигова, 1968. С. 71–90).

Широко распространенной находкой продолжают оставаться необходимые как в мирном, так и воинском быту оселки, или точильные камни. Теперь они хорошо обработаны, длинные, прямоугольные или квадратные в сечении. Сопутствуют оружию, рядом с которым в большинстве случаев и обнаруживаются. В длину некоторые экземпляры достигают полуметра.

Женские захоронения сопровождаются украшениями, туалетными принадлежностями, различными амулетами, зеркалами и курильницами. Зеркала, в отличие от предыдущего времени, маленькие, больше напоминающие подвески, с рельефным орнаментом на обороте в виде круга, квадрата, радиальных линий. Попадаются и ханьские зеркала из Китая или подражания им.

Уздечные наборы, как и мужские портупейные ремни, закрепляются разнообразными пряжками с подвижным язычком, диапазон их форм весьма обширен – от круглых и овальных (простых) до сложных рамчатых, щитковых, различных по форме приемника.

Интересный предмет, распространившийся из Европы в результате общей «моды», – массивная металлическая булава фибула – маркирует собой памятники гунно-сарматского периода в Западном Казахстане. Встречается как в мужских, так и в женских захоронениях. Имеются как импортные образцы, так и местные подражания.

Серьги или височные подвески этого периода близкие по форме: так называемые калачиковидные, полые внутри, с проволочной дужкой, эмалевыми, стеклянными или минеральными вставками по основному телу серьги, выполненные в технологических особенностях гуннского полихромного стиля. Изготовлены они из бронзы, серебра или золота. Широкое распространение получили в начале III в. н. э. Расширяется диапазон материалов бус – широко распространенных женских украшений: сердолик, янтарь, горный хрусталь, халцедон, стекло-видная масса и т. д. В рассматриваемый период к известным ранее шаровидным, круглым, уплощенным и овальным экземплярам добавляются многогранные, чаще в 14 граней.

Разнообразные курильницы продолжают сопровождать быт кочевников и в II–IV вв. Как и в предыдущие периоды, это небольшие усеченно-конические, призматические, кубические сосудики с нанесенным на них крестообразным орнаментом. Встречаются более сложные, с поддонами, иногда имеют одно или два отверстия в верхней части для подвешивания.

Редкая и оригинальная находка – металлические колокольчики: бронзовые литые тонкостенные с железным язычком или кованные железные с массивным железным язычком.

На данный момент открытыми остаются вопросы о месте формирования данной культуры и о характере ее происхождения – автохтонном или миграционном. Общий анализ инвентарного комплекса и черт погребального обряда говорит о резких отличиях позднесарматской (или гунно-сарматской, по С. Г. Боталову) культуры от предыдущей среднесарматской (суловской). Важно очертить круг регионов происхождения основных новаций, оставивших след в памятниках Западного Казахстана. Так, если говорить о близких регионах со сходными чертами в погребальном обряде, то аналоги наблюдаются в бассейне верхнего и среднего течения Сырдарьи, в памятниках джетыясарской культуры, которые синхронны западноказахстанским и переживают их до V в. (Левина, 1996). Им свойственны прямоугольные сырцовые склепы-мавзолеи с подбойными захоронениями в узких ямах с северной ориентировкой погребенных. Отдельные элементы погребального обряда наблюдаются в более раннее время и гораздо точнее, в Западной Сибири, в памятниках уюкской и саргатской культур. Набор инвентаря в целом больше тяготеет к центральноазиатскому происхождению. Небольшое количество западноевропейского импорта в Лебедевском могильнике говорит об усилении в III в. контактов с готским населением Причерноморья. Римский бронзовый ковш с железной ручкой обнаружен в могильнике Целинный I, курган 6, в конце 1980-х гг. С. Ю. Гуцаловым (Боталов, 2009. С. 201. Рис. 46).

Подводя итог, можно сказать, что для Западного Казахстана в целом и территории Актюбинской области в частности памятники II–IV вв. н. э. в результате последних исследований начинают обретать свои ареалы, общие характерные признаки и основные знаковые

черты. Сплошные разведки и применение ГИС-технологий, по сути, «подняли» целый пласт памятников в знакомых районах, где ранее виделись в основном объекты сако-сарматского времени. Огромные размеры могильных полей говорят о длительной их эксплуатации, а также о значительном скоплении населения в регионе перед основным походом на запад. Ранее подобный ареал скопления памятников был выявлен в долине р. Жигерлен на территории Западно-Казахстанской области Республики Казахстан (Боталов, Бисембаев, 2002. С. 106–118). На данный момент выяснено, что памятники на этой же широте распространены в Актюбинской области – как западнее, так и восточнее Мугоджар, вплоть до Тургайского прогиба, образуя огромные могильные поля с сотнями сооружений.

Гунно-сарматский период, или эпоха Великого переселения народов, представляет собой очень яркий отрезок истории с отголосками на значительном удалении. Он имеет широкий территориальный охват (от границ Китая до Испании) и эпохальный результат – падение Западной Римской империи. Это время привлекает внимание исследователей по всему миру. Планомерные, целенаправленные исследования вкупе с результатами прошедшего полевого сезона в Западном Казахстане пополнили этот пласт новыми важными материалами. По раскопанным объектам четко прослеживается тенденция – усложнение архитектурных особенностей наземных конструкций. Это дополнительно подчеркивало статус погребенного, так как высоты исследованных объектов (курганы, святилища, «гантели») были приблизительно равны. Такую же роль играет и усложнение конструкции могильной ямы. Исследованные памятники показали значимость территории Западного Казахстана для выяснения культурогенеза кочевых сообществ эпохи Великого переселения народов. Получена представительная коллекция артефактов: вооружения, украшений, конского снаряжения и бытовых предметов. В целом исследованные комплексы укладываются в период второй половины II в. н. э. – IV в. н. э.

Список литературы

Атлас Казахской ССР. М. : Гл. управление геодезии и картографии Совета министров СССР, 1982. 81 с.

Ахатов Г. А., Бисембаев А. А. Характеристика природно-географических условий Западного Казахстана как экологической ниши кочевого населения раннего железного века и средневековья // Казахское ханство в потоке истории : сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 550-летию Казах. ханства. Алматы, 2015. С. 503–513.

Багриков Г. И., Сенигова Т. Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. Обществ. науки. 1968. № 2. С. 71–90.

Бисембаев А. А., Ахатов Г. А. Природно-географические аспекты локализации памятников раннего железного века и средневековья Западного Казахстана // Вестн. Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств. 2015. №2 (9). С. 31–35.

Бисембаев А. А., Дуйсенгали М. Н. Новые материалы гуннского времени с территории Актюбинской области // УАВ. 2008. № 8. С. 99–101.

Бисембаев А. А., Дуйсенгали М. Н. К вопросу о гуннских погребальных объектах в Западном Казахстане // Изв. Нац. акад. наук Республики Казахстан. Сер. Обществ. науки. 2009. № 1 (268). С. 28–34.

Боталов С. Г. Гунны и тюрки. Историко-археологическая реконструкция. Челябинск : Рифей, 2009. 672 с.

Боталов С. Г., Бисембаев А. А. Новые материалы по культуре гуннов Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана : сб. науч. ст. Вып. 1. Уральск, 2002. С. 108–116.

Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск : Рифей, 2000. 266 с.

Граков Б. Н. Γυναικοκρατούμενοι (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.

Гуцалов С. Ю., Бисембаев А. А. Отчет о археологических раскопках и разведках на территории Актюбинской области в 1992 г. // Архив Актюб. обл. ист.-краевед. музея. 1993. № 23–14.

Дуйсенгали М. Н., Мамедов А. М., Баиров Н. М. Предварительные итоги исследования погребально-поминальных комплексов поздней древности бассейна р. Уил // Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Алматы ; Актюбе, 2018. С. 237–241.

Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л. : Аврора, 1975. 80 с.

Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб. : Эллипс Лтд., 1994. 224 с.

Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М., 1996. 396 с.

Мошкова М. Г. Позднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. С. 191–202.

Чибилев А. А. Река Урал. Л., 1987. 168 с.

NEW MONUMENTS OF THE MIGRATION PERIOD IN THE STEPPE URALS

A.A. Bisembayev

The article discusses the results of field studies of monuments of the Steppe Urals (Western Kazakhstan) in the Migration Period. The natural and geographical conditions of the region are described as the most important factor of the placement of monuments of specific eras. The objects of the Zhailausai burial ground (Sarytau II) examined in 2007 and burials from the Severniy Obiezd sand quarry are described. In the ruined burial near Aktobe, gold items made in the Hunnic polychrome style were found. In general, a representative collection of artifacts was obtained, including armaments, jewelry, horse equipment and household items. On the whole, the complexes studied are within the period of the second half of the 2nd century AD – 4th century AD. In object 15 (crypt-shaped sanctuary) of the Akbulak II burial ground, the burial of a warrior with an iron sword without crosshairs, a bronze bridle set and a fibula were found. In object 27 (dumbbell-like burial mound) of the Akbulak III burial ground, a shaft-and-chamber burial was revealed. The burial contained the remains of the buried with many jewels. A spout bronze vessel with a pallet and a zoomorphic handle was also found. At the end of the article, the results characterizing the era are summarized.

Keywords: *Migration Period, Huns, Akbulak, Sarytau, Western Kazakhstan, Steppe Urals, Hunnic polychrome style.*